

А. И. СЕМЕНОВ

**О новгородском происхождении современного значения слова
«шваль»**

Слово «шваль» имеет в русском языке двойное значение. В XV—XIX вв. оно обозначало мужчину, знакомого с портняжным ремеслом (письменные источники дают указание на существование этого слова еще в XV в.: при описании Великопожского погоста Деревской пятины в писцовой книге, составленной около 1495 г., встречается производное от «шваль» прозвище — «Швалев»). «Шваль», «швальня» встречаются не только в русском, но и в других славянских языках. Одного корня и смысла со «шваль» слова «швец» (XVIII—XX вв.) и «швей» (до XVII в. включительно). «Шваль» мужского рода вышел из разговорной речи в XIX в. В. Даль в «Толковом словаре» называет районы его распространения — Владимирская, Тамбовская, Ярославская, Вятская, Пермская, Новгородская и Олонецкая губернии. В значительной степени эти районы относятся к древней новгородской территории.

Другое значение этого слова (сохраняющееся и в настоящее время) В. Даль поясняет так: «Шваль — шушаль, шушера, сволочь или сброд, дрянной людишка». В этом значении слово «шваль» — женского рода. Вряд ли следует искать происхождение «шваль» женского рода в германских или романских языках. Близкие по огласовке слова немецкого (Schwall — «поток», «наплыв») и французского (cheval — «лошадь») языков не имеют бранного смысла. Насмешливый смысл в русском языке приобрело французское слово chevalier — «рыцарь». Но это слово появилось в России поздно, с XVIII в. Бранное же значение «шваль» более раннего происхождения.

Новгородское устное предание, дошедшее до XIX в. и хорошо знакомое новгородскому археологу В. С. Передельскому (умер в 1907 г.), связывает происхождение бранного смысла «шваль» с событиями 1611 г., отразившимися в известной повести XVII в. «О взятии Великого Новгорода от немец и о разорении его», которая включена в состав Новгородской третьей летописи. В повести рассказывается, как шведское войско под командованием Якова Делагарди подступило к Новгороду. 8 июля 1611 г. шведы пошли на первый приступ, но были отбиты. В плену у них оказался дворовый человек боярина Ивана Лутохина — Ивашко Шваль. Ивашко пообещал шведам ввести их в город. «Во граде же в то время по стенам стража бысть плоха». И вот 17 июля «той же Ивашко приведе их ношию в город в Чудинцовские врата, и в город внидоша, никто их не видал» (Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 355—356).

В Повести об осаде Тихвинского монастыря шведами объяснены причины измены Ивашки Шваля: «Некий, убо, злый раб отбегает из града к сему злодейному немецкому воеводе Якову Пунтосову в полки, и обе-

щавается ему без кровопролития брани отворити градныя врата, сам же от него просит еже свободитися ему от господина своего и от его работнаго ига: и тако нощию привед их к Чюдинцовским вратом, и подполз под врата и отвори их» (Новгородские летописи, стр. 407—408).

Измена Шваля надолго осталась в памяти новгородцев. Местное предание соединяет с нею появление бранного смысла слова «шваль».
